

О польской и русской диалектной эпонимике

Ананьева Наталия Евгеньевна

Доктор филологических наук, профессор

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
119991, Ленинские горы, д. 1, стр. 51, Москва, Российская Федерация

E-mail: ananeva.46@mail.ru

ORCID: 0000-0003-1626-2243

Цитирование

Ананьева Н. Е. О польской и русской диалектной эпонимике // Славянский альманах. 2026. № 1–2. С. 302–315. DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.15

Статья поступила в редакцию 26.11.2025.

Рецензирование завершено 03.02.2026.

Статья принята к публикации 17.03.2026.

Аннотация

В статье анализируется ряд польских и русских диалектных эпонимов. Основное внимание уделяется эпонимам, мотивированным антропонимами, для которых выделяется несколько лексико-семантических групп: названия растений, названия представителей животного мира, названия предметов повседневного быта, номинации людей и их проявлений, названия игр и мероприятий и другие. Отмечается семантическая полифункциональность (многозначность) одной и той же эпонимической формы как в рамках всего диалектного массива каждого из рассматриваемых языков, так и в пределах одного и того же диалекта. Особую сложность представляет установление мотивационного признака, который послужил основанием для использования того или иного антропонима в составе эпонима. В ряде случаев удается его установить. Так, многие деантропонимы возникли на основе хронимов, мотивированных, в свою очередь, агонимами (например, рус. *ульяновка* ‘сорт яблок, сохраняющихся до дня св. Иулианы’ и польск. *janek* ‘веночек, прикрепляемый на дверь в день св. Яна’). Легче определяется мотивационный признак в детопонимах (например, польск. *dunaj* ‘большая глубокая вода’ и рус. *астраханка* ‘сорт дынь’). Сопоставляемые диалектные языки различаются

частотностью употребления эпонимов в совпадающих в целом в них лексико-семантических группах. Так, значительно чаще в русских говорах по сравнению с польскими деантропонимы обозначают человека, указывая, как правило, на его негативные черты. Отмечается перспективность составления словарей диалектных эпонимов и создания монографий, посвященных диалектным эпонимам, образованным от разных классов онимов.

Ключевые слова

Польские диалекты, русские диалекты, эпоним, антропоним, деантропоним, топоним, детопоним, агионим, лексико-семантическая группа.

В диалектах польского и русского языков эпонимы (образования от имен собственных) занимают значительное место. Эпонимике, в том числе диалектной, посвящен ряд работ¹. Как и в литературном языке, диалектные эпонимы образуются от всех классов онимов: антропонимов (включая агионимы), топонимов различного вида, этнонимов и субэтнонимов. По отношению к производящей онимической базе эпонимы делятся на первичные, или непроизводные (например, *арап* ‘черный груздь’ (СГРС 1: 20), *francuz* ‘таракан’ (Karłowicz 2: 28; MSGP: 68), секундарные, или производные, т. е. образуемые с помощью добавления к базовой онимической основе словообразовательного средства (полидиалектное *cyganić* ‘обманывать’), гибридные словосочетания, одним из компонентов которых является эпоним или образованный от него адъектив: *адамова овца* ‘верблюд’ (СРНГ 1: 206), *марьяны слёзы* ‘красные пятнышки на листьях березы’ (СГРС 7: 242), *ванька мокрый* ‘растение’ (СРНГ 4: 38), приложение *ваня-рыболов* ‘вид птицы’ (СРНГ 4: 39), *cygańskie kluski* ‘цыганские клецки’ (Cygán 2018: 147). Отдельный тип представляет эпонимическая номинация, возникшая из словосочетания двух онимов, объединенных соединительным союзом: *иван да маня* (литер. *иван-да-марья*), в польских диалектах таких образований нами не обнаружено. Чаще всего эпонимы – это существительные или прилагательные, определяющие апеллятив. Глаголы, являющиеся по отношению к базовому ониму мутационными формациями, отмечаются значительно реже. Примеры: *максимить* ‘дурить, придуриваться’ (СГРС 7: 224), *заниколить* // *заниколиться* ‘начать праздновать, пить, как в Николин день; запьянствовать’

¹ Например, (Березович 2006; Лопорт 2016).

(СРНГ 10: 279), *cyganić* ‘лгать, обманывать’ (Cygan 2018: 74), кашуб. *polaszęc* ‘говорить по-польски’ (от *Lach* ‘поляк’), *iwanić* ‘красть’ (Gw. lub.), *odiwanić* ‘отцепиться, отстать от кого-либо или от чего-либо’ (Gw. warsz.), *митрить* ‘исполнять обряд, обращенный к Дмитрию Солунскому’, ср.: *В Митрев день хозяйка идет в овин и митрит: подает тарелку с пирогом в окошечко, а сама говорит: «Митрей Солынский, ешь пироги да овин береги»* (СГРС 7: 303). Диалектный эпонимический материал, рассматриваемый в данной статье, эскерпирован из польских и русских диалектных словарей дифференциального типа и имеет иллюстративный, а не исчерпывающий характер. Это касается как самого инвентаря эпонимов, так и значений того или иного деонима. Задача работы – экземплификация отдельными примерами эпонимов ряда выделенных лексико-семантических (или тематических) групп. Материалы польского полного диалектного словаря (*Słownik gwar polskich*, Kraków, 1979–), включающего как специфически диалектную, так и совпадающую с литературным языком лексику, в данной статье не рассматриваются. Эти материалы будут проанализированы в наших дальнейших исследованиях.

Наибольшее число диалектных эпонимов образовано от антропонимов, что обусловило, в частности, появление первой книги о польской диалектной эпонимике, описывающей именно деантропонимическую лексику, см. (Kucharzyk 2010). Эпонимы, мотивированные антропонимами, отмечены почти для всех лексико-семантических групп, по которым они распределены: названия представителей фауны и представителей растительного мира, названия предметов окружающего быта и орудий, названия одежды, названия кулинарных изделий и напитков, номинации человека и его свойств и действий, названия частей тела, названия игр и танцев, названия природных явлений и др. Приведем отдельные примеры:

- Растительный мир: *cecelija* ‘вид растения’ (ср. *Cecelijo to rosła w ogrodzie, to takie. Jak pon urwoł to rudo, tako krew rudo sła, to dziko rosło to. Wysokie toto było, liście białe*) (Cygan Sł. gw. kielec.), *marcinek* // *morcinek* ‘астра кустарниковая; хризантема’ (ср. *Morcinek już kwitnie, niedługo będzie zima – Kramsk koniń*) (MSGP: 133), (*jadamiec* ‘цветочное растение с мелкими фиолетовыми цветками, цветущее поздней осенью, Gloxinia’ (ср. *Adamiec to kwitnie liliowo*) (Cygan Sł. gw. kielec.), *janki* // *janówki* ‘сорт раннего картофеля’ (ср. *Wsadzimy tutaj janówek, to bedo nawcześniejse – Sierosławice konec.*) (MSGP: 89; Karłowicz 2: 232), *jakubianki* ‘сорт груш’ (Karłowicz 2: 227), *jakubka* ‘сорт картофеля’ (ср. *Jakóbki a. Sulki = rodzaj podługowatych ziemniaków*) (Karłowicz 2: 227), *józefek*

‘растение иссоп лекарственный’ (MSGP: 92), *maciejówki* ‘ранний картофель’ (Pelcowa 2007: 181), *michalek* ‘цмин, бессмертник *Helichrysum bracteatum*’, употребляется обычно во мн. ч. (ср. *Michałki to inny kolor, inna łodmiana, podobne do morcinków* [Bukowiec Opoczyński]; *Michałki to późnojesienne, wysokie takie, puste balóniowate, pojedyncze listki miały takie, wysokie, różnego koloru: i ciemniejsze, i jaśniejsze, i takie wiśniowe* [Mikułowice]) (Cygan 2018: 191), *świynte jonki* ‘красная смородина’ (Sl. pol.-śląsk.), *манька* ‘комнатное растение’, *ванька* ‘цветок’ (ср. *Манька цветёт розочкам, а ванька – другой цветок, опадает быстро*) (СГРС 7: 238), *мария* ‘травянистое растение’ (ср. *Трава мария, растет она в логгах, растет, где скот не ходит, и люди не ходят, она капризная*) (СГРС 7: 240), *марьин цветок* ‘лекарственное травянистое растение пион уклоняющийся’ (ср. *Марьин цветок розовым цветом, ковды ягодки есть у него, ковды – нет*) (СГРС 7: 242), *митрофанова трава* ‘любое лекарственное травянистое растение’ (СГРС 7: 303), номинации грибов: *suchy wojtek* ‘вид съедобного гриба’ (MSGP: 271), *васюхи* ‘вид грибов’ (ср. *Васюхи – черные, желтые, корявы сверху, считают поганые губы*) (СРНГ 4: 67), *дунька* // *дуня* // *дуняша* // *дуняшка* ‘гриб свинушка’ (СРНГ 8: 258), *матрёна* // *матрёха* ‘разновидность груздя, желтый груздь’ (СГРС 7: 253), *матвей* // *матвейко* // *матвий* ‘гриб подберезовик’ (при этом для *матвий* указано также значение ‘гриб подосиновик’, которое дается и для названия *иван*: *Матвей да иван похожи, только иван с красной шляпкой*) (СГРС 7: 247), *макар* // *макарыши* ‘гриб подберезовик’ (СГРС 7: 221), то же значение, наряду со значением ‘подосиновик’, отмечается и для номинации *иван* (ср. *Кто иваном, кто макаром назовет, серая шляпка такая; Макарыши против красноголовиков нехорошие, а сушить можно; их еще иванами зовут*) (СГРС 7: 221); номинации частей растений (включая и те, которые используются в быту и в хозяйстве, т. е. превратились в предметы определенного назначения): *baśka* ‘еловая и сосновая шишка’ (ср. *Na szyszki mówium, że baśki* [Dęba]; *A tak jak na świerku tam w górze rosnom takie ładne szyszki. To szyszki albo baśki mówiom, baśki* [Mikułowice]) (Cygan 2018: 39, то же в Cygan Sl. gw. kielec.), *манька* ‘березовый веник’ (ср. *Манька – веник берёзовый, всё дома им опахивали, пыль снимали*) (СГРС 7: 238), *ванька* ‘последний сноп сжатого овса’ (ср. *Овёс жали, последний сноп завяжут – ваньку*) (СГРС 7: 238) и мн. др.

• Животный мир: *jakubek* ‘волк’ (Karłowicz 2: 227), *jacek* // *jaś* ‘заяц’ (Karłowicz 2: 237, 239), *jaś* ‘волк’ (Karłowicz 2: 239), *katrynka* ‘божья коровка’ (MSGP: 94), *marianna*, *marianka*, *marinka* ‘божья коровка’ (Sl. gw. borow.), *kasia* ‘сорока’ (Karłowicz 2: 319), *kasperek*

‘зеленая лягушка’ (MSGP: 96), *wojtek* ‘аист’ (MSGP: 322), *zofija* ‘иволга’ (Sł. gw. kociew; MSGP: 358), *zofija* // *sofija* (Sł. gw. borow.), *варнава* ‘птица сем. утиных; красная утка’ (СРНГ 4: 55), *авдотка* ‘голец, оголец *Sobitis barbatula*’ (ср. *Красная и маленькая рыба, живущая под камнями*) // *авдошка* (СРНГ 1: 197–198), *авдотка* // *авдошка* ‘болотный кулик’ (СРНГ 1: 197), *кузьма* ‘волк’ (СРНГ 16: 28), *кузя* ‘синичка’ (СРНГ 16: 29) и мн. др.²

• Еда и напитки: *kubiuś* ‘картофельная лепешка’ (Sł. pol.-śląsk.), *maciek* ‘сорт колбасы’, *васильчик* ‘пирог, приготовленный под Новый год’, ‘печенье, приготовляемое под Новый год’ (СРНГ 4: 66), *ерошка* ‘род кушанья из муки’, ‘кушанье из белой муки с молоком’ (СРНГ 9: 34), *ероха* ‘настойка на травах, ерофеич’, *ерошка* ‘водка, настоянная на травах; ерофеич’ (СРНГ 9: 33).

• Одежда и обувь (и лексика, связанная с их изготовлением): *jadwiżka* // *jadwiśka* ‘короткий кафтан с фалдами’ (ср. *krótki kaftan, zwany «jadwiśką» a «przyjaciółką»*) (Karłowicz 2: 217), *janina* ‘вид шва, украшавшего корсет или дубленку’ (MSGP: 89), *maciejówka* ‘вид головного убора’ (полидиалектн.), *варварка* ‘шапка из меха оленьих детенышей, с прорезью для лица, закрывающая грудь’ (СРНГ 4: 45).

• Предметы быта (в том числе музыкальные инструменты и хозяйственные орудия): *barbara* ‘тяжелый молот, часто кузнечный’ (MSGP: 18), *baśka* ‘деревянный молот’ (ср. *Baśko dobrze thuce sie skóre – Kadzidło ostroł.*) (MSGP: 19), *baśka* ‘колода с поперечной рукояткой, служащая для утрамбовывания глиняного пола’ (Sł. gw. borow.), *jadwiga* ‘деревянный элемент, соединяющий различные части прялки, жерновов и т. п.’, ‘крюк, на который вешают котел над огнем в шалаше’ (MSGP: 88; Karłowicz 2: 217), *janek* ‘веночек из веток ели с вплетенными ягодами черной бузины, прикрепляемый к дверной раме в день Св. Яна’ (Cygan Sł. gw. kielec.), *maryna* ‘контрабас’ (MSGP: 133), *józef* ‘большой гвоздь’ (Sł. gw. borow.), сюда можно отнести и рассмотренные выше в группе «Растительный мир» *манька* ‘веник из березовых веток’ и *ванька* ‘сноп сжатого овса’, а также *машутка* ‘пучок ольховых веток’ (СГПС 7: 257). В последнем примере не исключен выбор базового антропонима из-за формальной близости к глаголу *махать* (этим пучком машут при обметании им пыли и т. п.).

• Явления природы: *bartek* ‘вихрь, смерч’ (ср. *To jak tak młynkuwało sie przed burzą, to leciol bartek i zawiewoł siano do góry. Ten bartok leciol,*

² Подробнее об эпонимах, представленных в лексико-семантической группе «Названия представителей фауны», в том числе деантропонимах, см. (Ананьева 2026).

to sie go zażegnnywalo, pluło sie, bo ón mógł i cłowieka zawioć i možno było chorować. To godali, ze bartek siano zabiero, jak tak przeniesło siano do sąsiadów.) (Cygan Sł. gw. kielec.), *srala bartek* ‘то же’ (ср. *Srala bartek to po ziemi idzie, rwie pył, pył idzie jakby dym. Ón tak kryńcii po ziyimi sie culga potem w górze sie wierci i jakby snurek* – Niegowa zaw.) (MSGP: 266), *jakubówka* ‘разлив рек, происходящий очень часто в июле [...], которому предшествуют проливные дожди’ (Karłowicz 2: 228).

• Человек, его проявления и действия: *antek* ‘уличный мальчишка, пройдоха’ (Gw. warsz.) (ср. в кочевском диалекте *antki* – выходцы из центральной и восточной Польши, отождествляемые прежде всего с переселенцами из Варшавы (Sł. kociew.)), *gabryś* ‘человек, который всегда недоволен и хочет чего-то нового’ (ср. *Dobryś gabryś, mógłbyś, jadłbyś*) (Karłowicz 2: 39), *hanyś* ‘житель Верхней Силезии’ (Sł. pol-śląsk.), *iwanić* ‘красть’ (Gw. lub.), *jadwiga* // *chłop jadviga* ‘неумелый хозяин, который вместо жены готовит и подметает’ (Karłowicz 2: 217), *wojtul* // *wojtus* ‘кто-то неумелый, беспомощный’ (Sł. gw. kociew.), *абрам* ‘седой благородный старец с бородой’ (ср. *Дед у них такой абрам стал, борода по сих мест, весь белый*) (СГРС 1: 11), *аверьян* ‘человек (любой)’ (ср. *Кожной аверьян по-разному судит. Какой хто аверьян, тот так и везёт [сено]*) (СГРС 1: 11), *агафон* ‘простак, глупец’ (СРНГ 1: 202), *акулина* ‘о неприятной женщине’ (СРНГ 1: 227), *артюшка* ‘оборванец’ (СРНГ 1: 279), *афанасий беспоясый* ‘неряшливый человек’ (СРНГ 1: 294), *афонька* ‘задиристый человек, которому собираются дать отпор’ (Там же), *ахрамей* ‘простофиля’ (СРНГ 1: 297), *вавило* ‘рослый, но неуклюжий, нескладный парень’ (СРНГ 4: 8), *максим* // *максимка* ‘глупый человек’ (ср. *Максим раньше редкое имя было, максимум ругали: ни к селу ни к городу городишь, ой, да максим ты! Палагийко да максимка – так раньше ругали*) (СГРС 7: 224), *максимить* ‘дурить, придуриваться’ (ср. *Не максимь-ка, всё на стол*) (СГРС 7: 224), *матрёна* ‘неряшливо одетая женщина’ (СГРС 7: 253), *машика-чумашика* ‘неряшливый человек’ (СГРС 7: 257) и мн. др.

• Части тела человека и их функции: *baška* (лежащему на поверхности соотносению с русским тюркизмом *башка* противоречит мягкость *ś*, отсутствующая в других польских тюркизмах, ср. *baszta, szaszłyk* и др., а также широкая представленность в польских диалектах отантропонимической лексемы *baška* для обозначения разных понятий), *filip*, *zoška* ‘ум, разум’ (ср. *rusz bašką, potyśl. Nie ma za czeski filipa w głowie*) (Gw. warsz.; Karłowicz 2: 17), *maciek* ‘живот’, *максимка* // *максимко* ‘ум, голова’ (ср. *Максимка не варит. Голова не соображает. Не, боле головы у нас не ворочаются, максимко боле у нас не варит*) (СГРС 7: 224).

• Смерть и потусторонние силы (духи): *iwana* ‘бес, черт’ (ср. *To prawdziwy iwan. Ty, iwanie! Idź do iwana!*) (Karłowicz 2: 211), *jasiek* // *jasio* // *jaś* ‘дьявол, злой дух’ (Karłowicz 2: 237, 239), *jadwisia* шутл. ‘смерть’ (ср. *Jadwisia ci sie zalica = Kto wie, czy nie umrzesz*) (Karłowicz 2: 217), *judasz* ‘дьявол’ (ср. *Djabeł nazwany tu judaszem, w kaźden czwartek największą ma moc nad ludźmi*) (Karłowicz 2: 272).

• Названия игр и мероприятий: *fabian* // *fabek* ‘детская игра’ (Karłowicz 2: 1), *акулина* ‘одна из карточных игр’ (СРНГ 1: 227), *афанас* // *афонас* ‘игра в прятки’ и ‘игра в жмурки’ (СГРС 1: 25; СРНГ 1: 293), *dominik* ‘ежегодная ярмарка в Гданьске’, *iwaniec* ‘ежегодная ярмарка, проводившаяся в Каменец-Подольском, и подарки для детей, которые на ней покупались’ (Karłowicz 2: 212), *jędrzejki* ‘гадание девушек накануне дня св. Анджея’ (Karłowicz 2: 267).

• Название постройки, здания: *baška* ‘тюрьма, тюремное здание, острог’ (ср. *Wojuj, wojuj, chcesz iść do baški*) (Gw. lub.). Формальная близость лексемы *baszta* ‘башня’ (опознавательный знак Люблинского замка) и антропонима *Baška* привели к эвфемистическому употреблению деантропонима *baška* в значении ‘тюрьма’.

Объяснить, почему тот или иной антропоним стал употребляться в качестве эпонима, обозначающего определенную реалию, в некоторых случаях легко, а в других – сложно. Так, ряд деантропонимов мотивирован хрононимами, которые, в свою очередь, образованы от агнионимов. Сюда относятся названия ярмарок *dominik* и *iwaniec*, происходящие, соответственно, в дни св. Доминика и св. Иоанна (Яна), номинация гадания накануне дня св. Анджея (*jędrzejki*). С днем св. Иоанна (Яна, Иванов день) связано не только название венка, вешаемого на дверной косяк в этот день (*janek*), но и номинации растений, по всей видимости, дающих плоды к концу июня (24 июня – Иванов день): *janówki*, *janki* ‘сорт раннего картофеля’, *świynte jonki* ‘красная смородина’, а также название светлячка *janik* (еще более явственно эту связь отражает литер. *robaczek świętojański*). Со св. Дмитрием Солунским связан обряд обращения к нему, выраженный глаголом *mumruć* (СГРС 7: 303). Разлив рек, обозначенный эпонимом *jakubówka*, происходит в июле, «około ś. Jakóba» (Karłowicz 2: 228). Хрононим, связанный с агнионимом, включен в определение эпонима *ульяновка* ‘сорт крепких темно-зеленых яблок, хорошо сохраняющихся ко дню св. Иулианы’ (СРНГ 47: 155). Ко дню св. Мартина, по словам информантов, расцветают осенние *morcinki* // *marcinki*. Понятны ассоциации с библейским старцем Авраамом при образовании эпонимов *абрам* ‘седой благородный бородатый старик’ и *abraham* ‘пятидесятилетний юбилей’

(Sł. pol.-śląsk.). Хотя век библейского Авраама был не 50, а 175 лет, но, по всей видимости, польским крестьянам и пятидесятилетний возраст казался весьма почтенным. Благодаря работам В. Н. Топорова (см. например: Топоров 1981) мы узнали, что сакральное насекомое божья коровка получало также имена святых (*katrynka*, соотносящиеся с Девой Марией *mariana*, *marianka*, *marinka*). Прозрачно происхождение эпонимов *iwan* ‘дьявол’ и *iwanic* ‘обманывать, красть’. Оно обусловлено существовавшим стереотипом русского, «чужого» и даже враждебного³. Легко мотивируется и эпоним *hanyś* (уменьшит. от немецкого имени *Hans*), поскольку жители Верхней Силезии веками подвергались онемечиванию. Известно происхождение названия головного убора *taciejówka*: этот вид фуражки придумал граф Мачей Мельжинский. Объяснимо и употребление имени библейского предателя Христа в значении ‘дьявол’ (*judasz*).

Деантропонимы, номинирующие игры, образуются по имени, которое произносится во время игры, или от имени ведущего игру. Ср. о детской игре *fabian*: *Chłopcy wybierają jednego z spomiędzy siebie, którego nazywają Fabianem (w grze zwanej «Fabian»)* (Karłowicz 2: 1). В игре *афанас* антропоним *Афанас* // *Афонас* // *Афонька* является именем ведущего. Ср. также: «В детской игре “уля” – девочка, вокруг которой ходят играющие. Девочка садится, кругом ее кружатся и поют: “Сидит уля под кусточком”, и отдают ей пояса. Затем улю ловят» (СРНГ 47: 155). Номинации того или иного человека (как правило, характеризуемого отрицательно: неряшливый, оборванец, глупый, худой, толстый и под.) с помощью деантропонимов не всегда объяснимы. Почему *gabryś* (гипокористика от *Gabryel*) – вечно всем недовольный человек, в то время как голуби, ассоциирующиеся со Святым Духом, весть о зачатии от которого принес Марии архангел Гавриил (*Gabryel*), также именуются *gabrysie* // *gawrysie*? Вообще деантропонимы, обозначающие человека с положительными качествами (ср. вышеупомянутый *абрам*) или называющие любого человека (*аверьян*), редки. Например, скорее положительное значение передает деоним *маланья* ‘человек, который является «своим» в любой компании’ (СГРС 7: 225), но одновременно тем же словом называется неряха и растреп (Там же).

Среди антропонимов, подверженных апеллятивации, в польском наиболее частотны имена *Jan* и *Barbara* и их модификации. Ср.,

3 Об отражении оппозиции «свой – чужой» в названиях, образованных от этнонимов, см. (Ананьева 2025).

кроме вышеуказанных названий растений, слового венка, укрепляемого на косяке, светлячка, мотивированных хрононимом, соотносящимся с именем святого, номинации для волка и зайца (*jaś*), злого духа (*jasiek*, *jasio*, *jaś*). Многозначность в польском диалектном континууме характерна для деантропонима *baśka*: ‘деревянный молот’, ‘колода для утрамбовывания глиняного пола’, ‘еловая и сосновая шишка’, ‘ум’. Ср. также *barbara* ‘тяжелый молот, обычно кузнечный’. Разные значения отмечаются также для деантропонимов *filip* и *jadwiga*: ‘заяц’ и ‘ум, сметливость’ для эпонима *filip* и ‘деревянный элемент, соединяющий части прялки и т. п.’, ‘крюк, на котором висит над огнем котел’ для *jadwiga*. Ср. также шутл. эвфемизм *jadwisia* ‘смерть’. Наиболее частотными именами в основе эпонимов в русском идиоме являются антропонимы *Иван* (*Ваня*, *Ванька* и т. д.) и *Мария* (*Марья*, *Маня*, *Машка*, *Манька* и т. п.). При этом нередко диалектоносители приводят эпонимы, образованные от этих двух имен, в одном контексте, сопоставляя их. Например: *Овёс жали. Последний сноп завяжут – ваньку. А к ваньке да маньку сделают – веничек из березы* (СГРС 7: 238); *Принесут ванюшку и машутку домой, машуткой всё обметают да приговаривают: все мухи долой, пришёл хозяин домой* (СГРС 7: 257), ср. еще контекст для деантропонима *манька* ‘комнатное растение’: *Манька цветёт розочкам, а ванька – другой цветок, опадает быстро* (СГРС 7: 238).

Легче мотивируются детопонимические эпонимы. Понятно, почему *урал*, *уралы* – это любая гора или горы, *dunaj* – глубоководная река, *астраханка* – сорт дыни, *атерука* – благосостояние, высокий уровень жизни. Такие примарные детопонимические образования (т. е. все вышеперечисленные, кроме *астраханка*) с прозрачной мотивацией Е. С. Отин относит к коннотативным (дополнительным, переносным) значениям имен собственных, отказывая им в статусе самостоятельных эпонимов (см.: Отин 2004). Среди базовых топонимов отмечаются относящиеся к топонимике как родной страны, так и зарубежья. Так, название немецкого города Бамберг (*Bamberg*), жители которого поселились на территории Великой Польши, в районе Познани, явилось онимической базой для номинации зажиточного хозяина, земледельца (*bamber* (Sł. pol.-śl., Sł. gw. kociew.)), а от немецкого астионима *Bunclau* (после Второй мировой войны *Bolesławiec*) образован эпоним *bunclok* // *bonclok* ‘керамическая посуда (например, для квашения капусты)’ (Sł. pol.-śląsk.). В этом городе был изобретен данный сорт керамики.

Обращает на себя внимание значительное число образований от хоронима Америка и экзотонима *американец* – *Amerikanin* и в польских, и в русских говорах. Примеры: *американка* //

американская клетка ‘вид кружева’ (СГРС 1: 16), американки ‘небольшие легкие санки’ (ср. *Раньше кошова была, а теперь – американки; они короткие, легко и хорошо заворачиваются, американцы на лесозаготовках делали*) (СГРС 1: 16), ср. фразеологизм *америку построить* ‘наговорить с три короба’ (Там же), *атерук // hameruk // amerykan* ‘сорт раннего картофеля’ (MSGP: 15), *атерука* ‘благосостояние, высокий уровень жизни’ (Суган 2018: 30), (*h*)*атерук* ‘плуг’ (Karłowicz 1: 18). Америка предстает как родина технических усовершенствований, определенного сорта картофеля, источник изобилия, где всего много (основа вышеприведенного фразеологизма). Ср. также образования от других экзотопонимов и экзоэтнонимов: *angielka* ‘вид кухонной печки’ (MSGP: 16), *англичанин* ‘рыба *Loarces viviparus*, бельдюга, голыш’ (СРНГ 1: 257), *frança* ‘венерическое заболевание’ (MSGP: 366), детопонимическое прилагательное *аглицкий // аглицкой* ‘яркий, с цветным узором (о ткани, изделии из нее)’ (СГРС 1: 12).

Примеры нескольких детопонимов различных лексико-семантических групп, которые мотивированы названиями городов, рек и других топонимических объектов, находящихся на территории России и Польши:

• Образования от астионимов: Астрахань – *астраханка* ‘сорт крупных дынь с сладкой желтой кожей’, ‘сорт арбузов’, ‘сорт яблок’, ‘легкий баркас, построенный по типу астраханской лодки’, ‘сорт красной пряжи’, ‘бойкая, бедовая девушка’ (ср. *Ина такая астраханка, бедовая пребедовая*) (СРНГ 1: 287), *астраханская рубашка* ‘мужская рубашка из красной пестряди’ (Там же), *астраханский стручок* ‘красный перец’ (Там же). Москва – *москвичка // московка* ‘избалованная девушка, чурающаяся работы, неженка, белоручка’ (ср. *Старша Танька у их москвичка така, всё гребует деревенской жизнью. Нонь все девки москвички, в деревне копать не надь*), ‘культурная, хорошо говорящая, красиво одетая женщина’ (*Москвичка такая, хорошо говорит, всё ладно и по-учёному; Московка – которая хорошо говорит, много знат, хорошо одевается; Московка, говорят, вот идёт: снаредится, выступают и говорит хорошо*) (СГРС 7: 338), *московский гриб // московик* ‘белый гриб’ (ср. *Белый гриб у нас московский гриб называют, верно, в просмешку, а кто тулкой зовёт*) (СГРС 7: 338). Kraków (Краков) – *krakus* ‘подосиновик, *Leccinum rufum*’ (ср. *To jedni powiedzom koźlarz, ale my godomy krakus, krakusy, bo majo kapelusze jak krakosko czopka w stroju*) (Суган Сł. gw. kielec).

• Образования от гидронимов: Dunaj – Дунай (хотя непосредственно по территории Польши Дунай не протекает, она входит в бассейн

Дуная) – *dunaj* ‘очень глубокая вода’ (ср. *Ło taki głęboki wodzie, zawirowany, to sie mówilo dunaj*), ‘впадина, пропасть’ (ср. *Wpadło tam, do tego dunaja, to ino echo dudniło*) (Суган Сл. gw. kielec.); Амур – *амура* ‘отдаленное место, куда угоняют ссыльных’ (ср. *На амур угонили его*), ‘неудобное для езды или прохода место’, ‘беда, несчастье; невыносимое положение’ (ср. *У этого хозяина работникам житье – чистая амура*), ‘плохая жизнь’, *амуры* ‘отдаленное место’ (ср. *Ну, и ушел в амурь! Этак зайдет в самые амурь*) (СРНГ 1: 252).

Мы привели лишь незначительную часть польских и русских диалектных эпонимов, уделив большее внимание деантропонимам, поскольку они являются наиболее репрезентативными. Рассмотренный материал показал, что, как и для исконно апеллятивной диалектной лексики, для эпонимов характерна семантическая полифункциональность (т. е. многозначность) одной и той же звуковой формы. При этом разные значения эпонима могут выделяться в пределах одного и того же лексико-семантического или тематического класса, а могут относиться к разным по семантике группам. Пример первого: 3 значения эпонима *астраханка* (определенные сорта дыни, арбуза и яблок) относятся к лексико-семантическому классу «Представители растительного мира». Пример второго – это остальные значения данного эпонима: 4-е относит эпоним к классу «Средства передвижения», 5-е – к лексике, связанной с изготовлением одежды, а 6-е – к классу «Человек и его проявления». Рассмотренный в статье материал демонстрирует указанные два типа полифункциональности эпонимов. Эта полифункциональность чаще отмечается в разных говорах, составляющих польский или русский диалектный континуум, но может встречаться и в пределах одного и того же диалекта. Сопоставление диалектного польского и русского эпонимического материала показывает, что различие касается частотности, лексической репрезентативности эпонимов в тех или иных лексико-семантических группах, в целом совпадающих в обоих идиомах. Так, значительно чаще в русских говорах по сравнению с польскими отмечаются деантропонимы, обозначающие человека с указанием его негативных черт. Представляется целесообразным составление словарей диалектных эпонимов и создание монографий, посвященных диалектным детопонимам и деэтонимам, наподобие монографии Р. Кухажик (Kucharzyk 2010) о польских диалектных деантропонимах. И последнее, но не менее важное: необходимо стремиться выяснить (по возможности) причину употребления именно данного эпонима в качестве базы для эпонима, называющего ту или иную реалию окружающего мира.

Источники и литература

Ананьева Н. Е. Польские и русские диалектные эпонимы, мотивируемые этнонимами и хоронимами // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 25 / отв. ред. А. Ф. Журавлев. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2025. С. 305–315.

Ананьева Н. Е. Польские и русские эпонимы, номинирующие представителей животного мира // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 3. М.: ИРЯ РАН, 2026 (в печати).

Березович Е. Л. О явлении лексической ксеномотивации // Вопросы языкознания. 2006. № 6. С. 3–20.

Лопорт Е. П. Оттопонимические и отэтнотонимические наименования лодок в русских говорах Архангельской области // Вопросы ономастики. 2016. Т. 13. № 1. С. 178–190. DOI: 10.15826/vopr_onom.2016.13.1.011

Отин Е. С. Словарь коннотативных собственных имен. Донецк: ООО «Юго-Восток, ЛТД», 2004. 412 с.

СГРС – Словарь говоров Русского Севера / под ред. А. К. Матвеева (т. 1–5), М. Э. Рут (т. 6–). Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2001–. Т. 1–.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–24), Ф. П. Сороколетов (вып. 25–46), С. А. Мызников (вып. 47–). М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–. Т. 1–.

Топоров В. Н. Ещё раз о балтийских и славянских названиях божьей коровки (*Coccinella septempunctata*) и перспективах основного мифа // Балто-славянские исследования 1980 / отв. ред. Вяч. Вс. Иванов. М.: Наука, 1981. С. 274–300.

Cygan S. Słownikzek gwarowy (Kieleckie). URL: <http://www.dialektologia.uw.edu.pl> (дата обращения: 10.10.2025).

Cygan S. Słownik gwary opoczyńskiej. Opoczno: Agencja Wydawnicza PAJ-Press, 2018. 382 s.

Gw. lub. – Gwara lubelska. URL: <https://ryneklubelski.pl/gwara-lubelska/> (дата обращения: 3.03.2024).

Gw. warsz. – Gwara warszawska. URL: <http://gwara-warszawska.waw.pl/sownik/> (дата обращения: 5.03.2024).

Karłowicz J. Słownik gwar polskich. Kraków, 1900–1911. Т. 1–6.

Kucharzyk R. Słownictwo odantroponimiczne w gwarach polskich. Kraków: Wydawnictwo Lexis, 2010. 212 s.

Mały słownik gwar polskich / red. nauk. J. Wronicz. Wydanie drugie. Kraków: LEXIS, 2010. 366 s.

Pelcowa H. Nazwy sporadyczne i okazjonalne w opracowaniach gwarowych // Gwary dziś. Poznań, 2007. Т. 4. S. 85–92.

Śl. gw. borow. – Słownik gwary borowiackiej. URL: <https://borytucholskie.net/sownik/> (дата обращения: 5.03.2024).

Śl. gw. kociew. – Słownik gwary kociewskiej. URL: <https://kociewie24.eu/o-kociewiu/slownik-gwary-kociewskiej/> (дата обращения: 10.04.2025).

Śl. pol.-śląsk. – Słownik Polsko-Śląski. URL: <https://www.slunski-chachor.com/webpage/slownik-polsko-slaski.html> (дата обращения: 10.04.2025).

References

Anan'yeva, N. Ye. “Pol'skie i russkie dialektnye eponymy, motiviruemye etnonomami i khoronimami.” *Issledovaniia po slavianskoi dialektologii*, vol. 25, ed. by A. F. Zhuravlev. Moscow: In-t slavianovedeniia RAN, 2025, pp. 305–315.

Anan'yeva, N. Ye. “Pol'skie i russkie dialektnye eponymy, nominiruiushchie predstavitelei zhivotnogo mira.” *Trudy Instituta russkogo iazyka im. V. V. Vinogradova*. Vol. 1. Moscow: IRIA RAN, 2026 (in print).

Berezovich, E. L. “O iavlenii leksicheskoi ksenomotivatsii.” *Voprosy iazykoznaviia*, 2006, no 6, pp. 3–20.

Cygan, S. *Słowniczek gwarowy (Kieleckie)*. URL: <http://www.dialektologia.uw.edu.pl> (accessed: 10.10.2025).

Cygan, S. *Słownik gwary opoczyńskiej*. Opoczno: Agencja Wydawnicza PAJ-Press, 2018, 382 p.

Gwara lubelska. URL: <https://ryneklubelski.pl/gwara-lubelska/> (accessed: 3.03.2024).

Gwara warszawska. URL: <http://gwara-warszawska.waw.pl/slownik/> (accessed: 5.03.2024).

Kucharzyk, R. *Sownictwo odantropomiczne w gwarach polskich*. Kraków: Wydawnictwo Lexis, 2010, 212 p.

Loport, E. P. “Ottoponimicheskie i otetnonimicheskie naimenovaniia lodok v russkikh govorakh Arkhangel'skoi oblasti.” *Voprosy onomastiki*, 2016, vol. 13, no 1, pp. 178–190. DOI: 10.15826/vopr_onom.2016.13.1.011

Mały słownik gwar polskich, red. J. Wronicz. Kraków: LEXIS, 2010, 366 p.

Otin, E. S. *Slovar' konnotativnykh sobstvennykh imion*. Donetsk: OOO “Iugo-Vostok, Ltd”, 2004, 412 p.

Pelcowa, H. “Nazwy sporadyczne i okazjonalne w opracowaniach gwarowych.” *Gwary dziś 4*. Poznań, 2007, pp. 85–92.

Slovar' gorov Russkogo Severa, ed. by A. K. Matveev (vols. 1–5), M. E. Ruth (vol. 6–). Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 2001–, vols. 1–.

Slovar' russkikh narodnykh gorov, ed. by F. P. Filin (vols. 1–24), F. P. Sorokoletov (vols. 25–46), S. A. Myznikov (vols. 47–). Moscow; Leningrad; St Petersburg: Nauka, 1965–, vols. 1–.

Słownik gwary borowiackiej. URL: <https://borytucholskie.net/slownik/> (accessed: 5.03.2024).

Słownik gwary kociewskiej. URL: <https://kociewie24.eu/o-kociewiu/slownik-gwary-kociewskiej/> (accessed: 10.04.2025).

Słownik Polsko-Śląski. URL: <https://www.slunski-chachor.com/webpage/slownik-polsko-slaski.html> (accessed: 10.04.2025).

Toporov, V. N. “Eshchio raz o baltiiskikh i slavianskikh nazvaniakh bozhiei kovorki (*Coccinella septumpunctata*) i perspektivakh osnovnogo mifa.” *Balto-slavianskie issledovaniia 1980*, ed. by Viach. Vs. Ivanov. Moscow: Nauka, 1981, pp. 274–300.

DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.15

N. Ye. Ananyeva

On Polish and Russian Dialect Eponyms

Nataliya Ye. Ananyeva

Doctor of Letters, professor

Lomonosov Moscow State University

119991, Leninskie Gory 1-51, Moscow, Russian Federation

E-mail: ananeva.46@mail.ru

ORCID: 0000-0003-1626-2243

Citation

Ananyeva N. Ye. On Polish and Russian Dialect Eponyms // *Slavic Almanac*. 2026. No 1–2. P. 302–315 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2026.1-2.15

Received: 26.11.2025.

Revised: 03.02.2026.

Accepted: 17.03.2026.

Abstract

This article analyzes a number of Polish and Russian dialect eponyms. The main focus is on eponyms motivated by anthroponyms, categorized into several lexico-semantic groups: names of plants, animals, everyday objects, designations of people and their characteristics, names of games and events, and others. The author notes the semantic polyfunctionality (polysemy) of the same eponymous form both within the entire dialectal array of each language and within a single dialect. A particular difficulty lies in establishing the motivational feature that served as the basis for using a particular anthroponym as an eponym. In some cases, this can be established; for instance, many deanthroponyms arose from chrononyms, which were in turn motivated by hagionyms (e. g., Russian *ульяновка* ‘a variety of apples preserved until St. Juliana’s Day’ and Polish *janek* ‘a wreath attached to a door on St. John’s Day’). The motivational feature is more easily identified in detoponyms (e. g., Polish *dunaj* ‘large deep water’ and Russian *астраханка* ‘a variety of melons’). The compared dialectal languages differ in the frequency of eponym usage within shared lexico-semantic groups. Specifically, in Russian dialects, deanthroponyms refer to individuals significantly more often than in Polish, typically indicating negative traits. The article concludes by noting the prospects of compiling dictionaries and monographs dedicated to dialectal eponyms derived from various classes of onyms.

Keywords

Polish dialects, Russian dialects, eponym, anthroponym, deanthroponym, toponym, detoponym, hagionym, lexical-semantic group.